

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » _____ 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения
профиль подготовки 41.03.05.01 Международные отношения и внешняя
политика

Эволюция японского национализма в XX - начале XXI вв

Руководитель

подпись, дата

доцент, к.и.н
должность, ученая
степень

П.В. Лапо
инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

А.В. Балясникова
инициалы, фамилия

Красноярск 2021

Содержание:

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	6
1.1. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯПОСНКОЙ ПОЛИТИЧЕСОЙ КУЛЬТУРЫ.....	6
1.2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЯПОНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА.....	9
ГЛАВА 2. ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ.....	15
2.1. ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ МЕЙДЗИ.....	15
2.2. ЯПОНСКИЙ МИЛИТАРИСТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В ПЕРИОД ИНТЕРБЕЛЛУМ.....	20
2.3. ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	27
ГЛАВА 3. ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ.....	33
3.1. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	39
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.....	41

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы: С. Хантингтон в монографии «Столкновение цивилизаций» выделял восемь мировых цивилизаций – Западную, Латиноамериканскую, Африканскую, Исламскую, Синскую, Православную, Индуистскую и Японскую. Вопреки тому, что многие исследователи на момент выхода работы подвергли сомнению самодостаточность японской цивилизации, Япония, согласно автору, – это цивилизация, являющаяся государством.¹ Столетия автаркического и полуавтаркического существования японского этноса ввиду географической удаленности от материка, а затем и вследствие осознанной самоизоляции определили субстрат его этического и национального мышления. Японская культурная матрица представляет собой уникальный буддистско-конфуцианско-синтоистский комплекс.²

Национализм в Японии никогда не был абстрактной теорией, он рассматривается властями страны и обществом как крайне важная идеология и политическая практика. Концепция японской исключительности, положенная в основу националистической идеологии страны, не только удовлетворяет духовные потребности граждан, но и служит сильнейшим стимулом консолидации общества для правящей элиты. На волне успешной внешнеэкономической стратегии Японии и стремительного повышения уровня ее благосостояния феноменом японского национального сознания начали интересоваться исследователи со всего мира.

Несмотря на то, что Япония более полутора века назад прекратила политику самоизоляции (сакоку) и интегрировалась в систему международных отношений как равноправный актор, в силу специфики географических и социально-политических условий, в которых происходило

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – Москва: АСТ, 2017. –С. 55.

² Чугров С.В. Япония: гибридизация и гармонизация / С.В. Чугров // Полис. - 2008. - № 3. – С.61.

становление японского национального сознания, для международного научного сообщества она во многом продолжает оставаться Terra Incognita.

Японская картина мира до сих пор изобилует «белыми пятнами» не в последнюю очередь из-за характерной для нее двойственной самоидентификации. По своему социально-политическому устройству Япония не принципиально отличается от стран Запада и в этом смысле может считаться вполне западной страной, тем не менее она продолжает практиковать культурный и языковой изоляционизм.

Носителю западной культуры японский национальный характер представляется сплавом диалектических противоречий, тяготеющим к крайностям: фанатичный милитаризм и непротивление оккупации территории союзными войсками, ускоренная модернизация и преемственный традиционализм, отрицание универсальных нравственных ценностей – и моральный императив долга, чести и стыда. Страна охотно перенимает западные технологии и экономическую модель, но болезненно воспринимает любые посягательства на свою этнокультурную идентичность; со свойственным прагматизмом идет на контакт с внешним миром и в тоже время свой титул «экономической сверхдержавы XXI века» объясняет уникальностью японского политического сознания и японской государственной сущности; является воплощением утопического пацифизма, но не оставляет попытки пересмотреть девятую статью Конституции о запрете наступательного вооружения.

Укрепление позиций Японии на международной арене и мировом рынке сопровождалось ренессансом государственного национализма. С приходом к власти правительства Синдзо Абэ с идеей ревизии 9 статьи Конституции начали заигрывать не только радикальная оппозиция и отдельные апологеты милитаризма, но и правящая партия. О необходимости

пересмотра частей Конституции, не соответствующих духу времени, заявляет и нынешний новый премьер-министр – Ёсихидэ Суга.³

Цель исследования: проследить эволюцию концепции японского государственного национализма в период XX-начала XXI века, его влияние на современную международную практику Японии.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

- обозначить природно-географические, социокультурные факторы, определившие специфику японского национализма;
- выделить идеологические основы японского милитаризма;
- проследить трансформацию идеологии японского государственного национализма на довоенном, военном этапах, в период оккупационного режима и период холодной войны;
- определить статус идеологии государственного национализма в политической системе современной Японии.

Объектом исследования выступает Япония XX-начала XXI вв.

Предметом исследования является японский государственный национализм как феномен.

Методология исследования опирается на:

- системный метод, позволяющий изучить комплекс факторов, оказывавших влияние на становление и развитие японского государственного национализма;

³ Кинкью джитай джоко йа «кайкен 4 кокумоку» джитсуген о шущё га месседжи (Послание премьер-министра о реализации пункта о чрезвычайном положении и "4 пункта о внесении изменений в конституцию") // Асахи Шинбун Digital [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.asahi.com/articles/ASP535S6SP53UTFK009.html?iref=pc_rellink_01

– сравнительно-сопоставительный метод, применяемый при анализе специфики отношений Японии с иностранными государствами, в частности с США, на различных этапах указанного периода;

– историко-типологический метод.

Научная новизна исследования заключается в анализе феномена японского национализма в контексте исторической антропологии;

Практическая значимость: теоретическое осмысление концепции японского национализма в контексте исторической антропологии позволит взглянуть на это явление с позиции представителя японской культуры без фиксации на ее несоответствии универсальным ценностям Западного мира.

Структура диплома: Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1.1. Особенности формирования японской политической культуры

В современных японской научных трудах, посвященных феномену национализма, часто используется термин «ナショナリズム» – фонетически адаптированный эквивалент английского слова «nationalism». Применение англоязычного варианта в данном ключе свидетельствует не об отсутствии аналога, а, скорее, лишний раз подчеркивает межкультурную «пропасть» в понимании этого явления, неспособность универсальных западных трактовок в полной мере отразить все его нюансы.⁴

Самобытность японского национализма объясняется спецификой географических и социально-политических условий, в которых происходило его становление. Каждый этнос, народ и государство существуют в определенном пространстве, которое включает географическое положение, ландшафт и этническое окружение. Характер этого пространства накладывает отпечаток на географическое сознание, мироощущение и мировосприятие, формирует политическое сознание народа. Географическое положение (суша-море, остров-континент) напрямую соотносится со спецификой каждого этноса.⁵

Такие природно-климатические условия как обособленность и удаленность архипелага от материка предопределили вектор политического сознания японцев. Расположение на периферии мировых цивилизаций, национальная гомогенность, а также отсутствие внешних врагов (обе попытки завоевания Японии монголами в XIII в. окончились неудачей) способствовали кристаллизации «островного» мышления с присущими ему

⁴ Крупянко М.И., Аршеидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Международные отношения, 2012. – С. 10.

⁵ Японский феномен. М. — РИО Института Востоковедения РАН. 1996. – С.9.

этноцентризмом, традиционализмом и пассивным отношением к любым моделям политического участия. Специализирующийся на теме деловой практики стран Азии профессор Роберт Марч описывает изолированность японского национального характера как «жизнь в ящике». «Жизнь в ящике подразумевает хорошо знакомую обстановку, где всем известны мысли и чувства окружающих... Жители такого пространства уверены, что это их единственный мир».⁶

Географическая замкнутость страны «в себе» послужила также фактором установления уникальной системы взаимоотношений между правящей элитой и простыми людьми, поскольку оба социальных класса «неразрывно связаны между собой». Именно осведомлённость государства о жизни народа, считается главным залогом благополучного существования последнего. Для японца всеобъемлющий контроль властных структур значит не угнетение, а проявление заботы.⁷

Ограниченное количество плодородной территории, обилие рек свели диету местного населения к преимущественно рисовым культурам (наиболее урожайным среди прочих зерновых). Особенно широкое распространение получила технология заливного рисоводства, экспортированная переселенцами с юга Корейского полуострова.⁸ Трудоемкость возделывания риса, создания заливных полей для его ирригации, разработка малопригодных для земледелия холмистых территорий стимулировали корпоративную солидарность населения. Японская деревенская община в этом отношении представляет собой наглядную микромодель японского общества. Так, например, деревенские жители эпохи Кинсэй (Раннего Нового времени) (1573-1868) создавали сельские общины для координации поставок

⁶ March, R. Reading the Japanese Mind: The Realities Behind Their Thoughts and Actions / R. March. – Kodansha International, 1996. –P. 78.

⁷ Ашинова Ж.Е. Политическое сознание японцев как механизм реализации политической модернизации в Японии. – Режим доступа:

<https://pps.kaznu.kz/en/Main/FileShow2/14776/96/446/1366/Ашинова%20Жанар%20Ерболатовна/2020/1>

⁸ А.Н. Мещеряков Япония: географические условия и историко-культурный процесс. – Режим доступа: <http://trubnikovann.narod.ru/Mesh1.htm>

удобрений, воды, строительных материалов, корма для скота и др.⁹ Обособленные, привыкшие полагаться только на собственные силы японцы превыше всего ставили сопричастность, идентифицировали себя исключительно категориями принадлежности к обществу, коллективу.¹⁰

Групповое сознание японцев предполагало доминирование интересов группы (общины) над индивидуальными интересами человека, преобладание обязанностей членов группы над их правами.¹¹ Коллективизм (集團主義) рисовой цивилизации (米の文明 - коме-но-бунка) рассматривался как характерная черта японского менталитета на всех уровнях объединения – в профессиональном коллективе, в семье, в государстве. Об этом свидетельствует этимология слова «я»/ «мой» (自分), дословно переводящееся как «моя доля» или моя часть.¹² Из этого следует, что японское представление об «я» не ограничивается индивидом, а включает в себя также его обязанности перед обществом.

Архипелаг расположен в сейсмически активной части мира в зоне активности тайфунов с Тихого океана. Положение населения также усугубляет сосредоточение действующих вулканов, составляющих около 7% от всех активных вулканов мира. По данным в период с июня 2018 по май 2019 гг. на территории всей страны каждый месяц происходит от 150 до 398 землетрясений разной степени разрушительности.¹³ Под воздействием указанных факторов складывалась культура «тайфунного типа», для которой были привычны не только катаклизмы природного происхождения, но и любые другие потрясения. Постепенно фаталистичный стоицизм японского

⁹ Кимура Мотои Кинсей-но-мура (Деревня Нового времени). –Токио: Newton Press, 1980. – С.134

¹⁰ Язовская О. В. Становление японской философской мысли: учеб.-метод. пособие. – Ек.: УрФУ, 2017. – С. 11.

¹¹ Прасол А.Ф. О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного архетипа. Ежегодник Японии. 2007. – С. 151.

¹² Арин О.А. Япония: традиции и внешняя политика // Проблемы Дальнего Востока. №1, 1990. –С. 84.

¹³ Джишин токей гурафу. Сайкин ичи-нэн-но-джишин кайсу (График статистики землетрясений. Количество землетрясений за последний год) [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://s.n-kishou.co.jp/w/charge/eqa/tgraph.html?#month>

этноса во время стихийных катастроф трансформировался в прагматизм, зависимость от покровительства государства, рьяное законопослушание.

Таким образом, природно-климатические условия способствовали сближению народа, формированию у него коллективного сознания, что, в свою очередь, заложило фундамент для осуществления властными институтами успешного руководства народными массами на основе негласного договора о взаимном доверии.

1.2. Теоретические основы японского национализма

Японское национальное сознание не в последнюю очередь складывалось на базе различных социокультурных принципов – автохтонных и заимствованных. Ниже речь пойдет лишь об основных представлениях о национальном, государственном и политическом устройстве японского общества.

Принцип иерархии – основополагающий элемент идеологической системы жителей Японии. Любые отношения в замкнутых группах подчиняются строгой вертикали иерархической структуры. Предполагается, что каждой личности присвоено четкое место в иерархии, в соответствии с которым манера поведения индивида варьируется в зависимости от контекста ситуации. Все контакты индивида должны отражать характер и степень социальных различий. Ожидается, что он будет всегда «считывать ситуацию», как бы отстраняясь от собственного «я».¹⁴ Это явление обозначается понятием 親分子分 (о-ябун-кобун), переводящимся дословно как отношения начальника и подчиненного, старшего по званию и младшего, родителя – ребенка. Последняя трактовка упоминается не случайно, поскольку японская иерархическая система носит семейный характер. Такие

¹⁴ Политическая система современной Японии: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — С. 20.

отношения подразумевают не только подчинение младшего старшему, но и заботу второго о первом.¹⁵

Иерархия для японца –должным образом упорядоченный космос, в котором каждый занимает «подобающее по праву место».¹⁶ Доминирующее убеждение о том, что всякий человек должен заниматься исключительно своим делом, легитимирует роль государства как главного регулятора общественной жизни. Строгая регламентация каждого элемента структуры общества, воспитание в соответствии с японскими традициями и организация образования в стране способствуют тому, что на первый план выдвигается «беспрекословное следование за авторитетом».¹⁷

Государственный патернализм и четкая иерархия определяют действия японцев в той или иной ситуации, тем самым снимая с них ответственность, позволяя переложить ее на политиков. Подобная модель отношений власти к подчиненному характеризуется японским социальным дискурсом как «амаэ». «Амаэ» означает что сильный проявляет терпимость к слабому, признает свои обязательства перед ним, заботится и гарантирует ему свое покровительство. Этим мотивирована политическая индифферентность абсолютного большинства японцев и их высокая степень доверия к политической элите государства. В пользу этого тезиса свидетельствует опыт более чем полувекового бессменного господства Либеральной-Политической партии Японии.¹⁸

Именно в концепции «надлежащего места» американский антрополог Рут Бенедикт видит истоки японского милитаризма. Руководствуясь этой концепцией, Япония считала своей цивилизационной миссией принести миру гармонию и порядок, в котором каждому народу было отведено подобающее

¹⁵ Данн, Ч. Традиционная Япония. Был, религия, культура / Ч. Данн. –М. : ЗАО Центрполиграф, 2006. – С. 19.

¹⁶ Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма / Пер. с англ. В.А.Шериева. – Бишкек: МП "Одиссей", 1993. –С. 55.

¹⁷ Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. Этнопсихологические очерки // Litmir [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=106691&p=1>

¹⁸ Стрельцов Д.В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. №3. 2016. –С.70.

место. Согласно японской риторике эпохи милитаризма, «Япония приходится восточным государствам старшим братом, а они Японии – младшим братьями». Иными словами, старший брат решает, что хорошо для младшего брата, и не должен посвящать его в «свои соображения» для обоснования принимаемого решения.¹⁹

Хадзи (恥—с яп. – стыд) – чрезвычайно важная категория в моральном самосознании японцев. В отличие от западного христианского общества, которое этнопсихологи относят к культурам вины, мораль японского общества зачастую регламентируется внешней оценкой. Стыд индивид испытывает, подвергаясь осуждению со стороны социума, будучи неспособным следовать негласным предписаниям надлежащего поведения. В культурах хадзи стыд является главным мотивирующим началом и основным механизмом социальной регуляции. Истинно добродетельным может считаться лишь человек, «знающий стыд» – 恥を知る (хадзи-о-сиру).²⁰

Известный писатель и драматург XX в. Юкио Мисима характеризует культуру стыда как «мораль видимости», «мораль пристального внимания к внешней стороне жизни». Анализируя трактат, посвященный кодексу чести самурая Хакагуре (досл. Сокрытые в листве), он отмечает следующее:

«Чтобы защитить свою честь, самурай должен постоянно спрашивать себя: Не опозорю ли я себя перед врагами? Не будут ли враги презирать меня? Самурай без колебаний идет на смерть только потому, что кто-то может подумать, будто он струсил».²¹

Сохранение японцем своего лица предполагает соблюдение моральных императивов долга – гиму (義務) и гири (義理). Гиму – обязанность, которую индивид приобретает самим фактом своего рождения, а также в ходе своего взросления и воспитания. В противоположность гири, гиму – неоплатный

¹⁹ Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры» – 3-е изд. –СПб: Наука, 2016. – С. 93

²⁰ Сосновская Е.А. Специфика морального сознания японцев // Этическая мысль. вып. 9, 2009. – С. 151.

²¹ Мисима Ю. Хагакурэ Нюмон // OCR Library [Электронный ресурс] Режим доступа: https://shounen.ru/books/hagakure_nyumon.shtml

долг перед миром, императором и семьей. За всю жизнь человеку не удастся отплатить и тысячной его доли.²² В этой системе гиму – все, что человек делает не по собственной склонности, а в силу моральной необходимости. Признание кого-то «человеком, не знающим гиму» до сих пор является наиболее умягчающей достоинство формой осуждения в японской культуре.

Японская культура обладает уникальной способностью примирять, переосмыслять и объединять различные идеи и принципы. Заимствованные из внешнего мира концепции преломляются сквозь призму японских реалий и становятся частью национального знания. Японская цивилизация, несмотря на свою изолированность, в определенной степени относилось к числу реципиентных. Становлению японской политической культуры способствовал импорт ценностей и культуры стран-доноров с последующей их адаптацией под реалии японской социально-политической системы.

В качестве одного из факторов, повлиявших на конструирование японской традиции, исследователи также выделяют синкретизм религиозных учений. Буддизм, конфуцианство и синтоизм мирно сосуществовали, что благоприятствовало синтезу заимствованных религиозных и философских систем и местных религиозных обычаев.

Начало волне заимствований положили контакты со средневековым Китаем, у которого Япония переняла иероглифическую письменность, конфуцианство, даосизм и некоторые принципы организации социума. Несмотря на особое отношение японцев к исконной религии, отсутствие четких догм в синтоизме делало его открытым для усвоения буддизма, конфуцианских и даосистских морально-этических норм.²³

В целом, Япония переняла из конфуцианской философии концепцию позиционирования императора как «Сына Неба», опирающегося на помощь

²² Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры» – 3-е изд. –СПб: Наука, 2016. – С. 23.

²³ Садокова, А. Р. Культура Японии : учебное пособие / А. Р. Садокова, И. В. Корнеева. – Южн.-Сах.: СахГУ, 2019. – С. 22.

бюрократических чиновников.²⁴ Однако в противоположность конфуцианским теориям «Небесного мандата», призванным оправдать лишение императора политической и административной власти в случае утери тем «дэ» (досл: благодетели), японская традиция постулировала непрерывность императорской династии в веках (万世一系).

В VI в. в Японию был импортирован буддизм. Политические деятели Японии видели в нем огромный консолидирующий потенциал, поскольку традиционно политеистическая религия синто не отвечала потребностям японского общества того времени.

Буддизм и конфуцианство стали играть в Японии роль своеобразной идеологической и моральной надстройки. Широкую панораму плюрализма японских религиозных течений образно отразил Фудзсиава Такао, специалист по японской философии: «Синто — это корни и ствол, конфуцианство — листья и ветки, а буддизм — цветы и плоды».²⁵

Синтоизм принято считать центральным столпом японского менталитета. Именно синто на протяжении веков являлся гарантом устойчивости императорского престола. В основе синтоистских верований лежит тенно — культ императора, института императорской власти. Начало культивированию данного политического мифа положили цари эпохи Ямато (250-710 гг.), устраивавшие в масштабе всей подвластной им территории ритуальные празднества «мацури», призванные задобрить местные божества. Исполнение императорами династии Ямато роль первосвященников способствовало формированию концепции «единства отправления ритуала и управления государством» и закреплению мифа об их божественном происхождении. Миф о божественном происхождении императора базируется на синтоистском постулате о кровном родстве императорской династии с богиней солнца Аматэрасу — одним из главных божеств

²⁴ Религия в истории Японии / Пер. с англ. Н. М. Селиверстова. — СПб.: Наука, 2005. — С.41.

²⁵ Fujisawa Chikao. Zen and Shinto. The Story of Japanese Philosophy. N.Y. 1959. —С.2.

синтоистского пантеона.²⁶ Отсюда следовало, что в деяниях императора, воплощенного божества, арахитогами (現人神), проявляется великая божественная воля императорских предков. Синтоизм также постулирует, что каждый японец является потомком ками – духов второго порядка. Поэтому для японцев император - не только глава государства, земной выразитель воли неба, но и глава нации-семьи, благодаря своему божественному происхождению состоящий в родстве со всеми подданными.²⁷ Подобная степень сакрализации персоналии императора обусловила сохранение императорской династией ее верховенствующего положения в иерархической структуре общества, даже вопреки отстранению от дел вначале знатными родами, а затем и Конституцией 1947 года.

Жесткая иерархия социальной структуры общества, негласные моральные императивы сопринадлежности, синкретизм религиозной жизни являются теми основными факторами, которые оказали значительное влияние на специфику идентификации японцев себя как единой нации. В свою очередь личность императора стала ее символом. Император – альфа и омега японской государственности и единства японского народа.

ГЛАВА 2. ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

2.1. Японский национализм в период реставрации Мейдзи

Японский национализм – практикуемый государственным аппаратом для достижения политических целей идеологический конструкт,

²⁶ Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. —[Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://rikonti-khalsivar.narod.ru/Kult.htm>

²⁷ Размышления о японском национальном характере // Wunderwaffe [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://wunderwaffe.narod.ru/HistoryBook/Kamikaze/02.htm>

культивирующий идеи уникальности и непостижимости Японии, ее национального единства, а также легитимирующий существование японского государства и текущий государственный строй.²⁸ Данное явление крайне контекстно ориентированное, а потому не может рассматриваться в отрыве от конкретных исторических событий. Несмотря на общепризнанный традиционализм японской политической культуры, ее национальная идея динамично развивалась в ответ на вызовы времени. Согласно концепции «локальных вызовов» Дж. Тойнби: «вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние».²⁹

Однако, если ближайший западный сосед Японии, Цинская империя, не раз на протяжении своей истории демонстрировал качественные структурные перемены под воздействием внешних факторов, японская идентичность лишь дважды испытала потрясения преобразовывающего характера: «открытие» страны чередой неравноправных договоров о режиме наибольшего благоприятствования и оккупация союзными войсками после ее поражения во Второй мировой войне.

Принято считать, что вплоть до эпохи Мейдзи (1868-1912) слово «японец» почти не употреблялось, и обитатели архипелага не отождествляли себя с государством-нацией. Почти полное отсутствие контактов с представителями иностранных культур давало слишком мало поводов для противопоставления себя им, а, значит, и для самоидентификации. Местное население давало различную оценку государству, японской цивилизации, ее культурному наследию в зависимости от конкретной эпохи: в годы процветания о Японии отзывались не иначе как о «большой стране из восьми

²⁸ Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Япония: идеология государственного национализма // История и современность. №2, 2010. – С. 185.

²⁹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. // Либру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/history.txt>

островов»,³⁰ тогда как в кризисные периоды государство уязвляли титулом «страна-остров с просяное зернышко».³¹

Японский опыт артикулирования национальной идеи существенно отличается от опыта стран Запада. Она формулировалась не в рамках логики внутренней эволюции, а в условиях угрозы стать жертвой европейской и американской экспансии в середине XIX в. Двухвековая самоизоляция Японии в период сакоку (досл. – страна на замке) значительно замедлила развитие страны, процесс ее централизации. В июле 1853 г. ВМС США потребовали от руководства страны заключения дипломатических отношений.³² В 1854 г. в Канагава между Японией и США был заключен договор «о мире и дружбе». В дополнение к нему правительство получило еще 4 неравноправных договора со стороны других империалистических государств.³³

В лице США, России, Англии, Франции и других западных держав Япония столкнулась с превосходящими в военном и техническом отношении противниками, чей процесс формирования национальных государств зашел значительно дальше. Кабальные договоры лишали Японию возможности контролировать свою внешнюю торговлю, устанавливать пошлины на ввозимые товары, регулировать объем поставок. Страна попала в экономическую зависимость от своих торговых партнеров. Япония оказалась под угрозой колониального порабощения. Единственный способ избежать участи превращения в полуконию Запада руководство страны видело в переориентации курса на ускоренную модернизацию. Заимствование опыта у цивилизованного мира в этом смысле стало не просто средством обретения экономической самостоятельности, мерой преодоления военного и

³⁰ Мещеряков А. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. – М: Издательские дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – С. 19.

³¹ Там же. – С. 137.

³² Государство и порядок по-японски / РСМД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gosudarstvo-i-poryadok-po-yaponski>

³³ Попов К.М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М.: Мысль, 1964. – С. 322.

индустриального отставания, но и вопросом выживания.³⁴ Одновременно это стало и вопросом выживания японской национальной идентичности, рискующей «раствориться» в чужеродной культуре.

Идеологи эпохи Мейдзи (1868–1912), осознавая необходимость соблюдения баланса между сохранением японской традиции и модернизацией по западному образцу, вывели формулу «вакон-ёсай». Понятие вакон олицетворяло собой «японский дух», тогда как ёсай – европейскую науку. Данное правило предполагало исключительно утилитарный характер перенимания западных практик. Западное понятие «прогресса», опирающееся на буржуазный индивидуализм, эгоцентризм, естественные права, с позиции синкретизма буддистско-конфуцианской традиционной этики представлялись местному населению ничем иным, как разновидностью злых страстей, порицаемых культурой «сыновьей почтительности, ритуала и долга».³⁵ Свобода ассоциировалась у японцев с анархией, подрывом основ принципа иерархичности, являющегося залогом общественного порядка. Поэтому реформирование производилось с сознательной оглядкой на устоявшийся уклад. Таким образом, модернизация Японии осуществлялась не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования.³⁶

Стоящим в этот период во главе государства сёгуном Токугава Иэмоти был провозглашен лозунг «фукоку-кёхэй» (досл. – богатая страна – сильная армия), призывающий «перенять сильные стороны варваров, использовать выгоды от торговли с ними, создать большой флот и армию».³⁷ Позднее вступление Японии на путь модернизации открыло стране восходящего солнца возможность использовать передовые достижения западной науки и

³⁴ Эйдуэ Х.Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 34.

³⁵ Скворцова Е.Л. Эпоха Мейдзи: годы просвещения // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые 150-ой годовщине революции. – СПб.: Art-xpress, 2018. – С. 57.

³⁶ Молодякова В.Э., Макарьян С.Б. О японском типе модернизации // Япония: опыт модернизации. – М.: АИРО-XXI, 2011 – С. 58.

³⁷ Сигеки Тояма Мейдзиисин то гендай (Реставрация Мейдзи и современность). – Токио: Iwanami shoten, 1993. – С. 178.

техники, такие как промышленное использование пара, электричества, телефонных и телеграфных коммуникаций, что в значительной мере способствовало высоким темпам экономического развития страны. За полвека Япония смогла подняться с уровня страны, которой грозило превращение в полуколонию, до страны, способной претендовать на политическую самостоятельность.

Открытие миру под дулами орудий поставило Японию перед необходимостью определения фундаментальных основ японской культуры. Руководством страны остро ощущалась необходимость создать общенациональные ценности, символы, мифы. Все они «замыкались на фигуре императора». В противофазе с промышленными преобразованиями активизировалась реакционная политика феодальных правителей под лозунгами сонно дзэи – «уважение к императору – изгнание варваров».³⁸ В этой связи реставрация института императорской династии, лишенной фактической власти и сохранявшей лишь функции отправления культа, стала лишь вопросом времени.

Японская феодальная система продемонстрировала свою несостоятельность в противостоянии военному и торговому напору западных держав. В отсутствие централизованной власти три сотни княжеств под управлением верховных военачальников сёгунов начиная середины XV в., не прекращали изнурительные феодальные междоусобицы.³⁹ Император стал центральной фигурой консолидации нации в условиях отсталости и раздробленности государства, когда тому угрожала потеря национальной независимости. Именно институт императорской власти в большей степени символизирует собой государство нежели другие правительственные органы. В принятом в 1868 г. «Императорском рескрипте о возвышении национального престижа государства» указывалось, что личное участие

³⁸ Стрельцов Д.В. Япония в эпоху великих трансформации – М.: АИРО-XXI, 2020 – С.9.

³⁹ Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры: кон. XVI нач. XX вв. - М.: Наука, 1986. – С. 9.

императора в кампании должно не только успокоить весь народ, но и поднять национальный престиж страны в глазах иностранных держав.⁴⁰

Инструментом обоснования абсолютной императорской власти стало возвращение к синто, которому был присвоен государственный статус. Одним из первых мероприятий новой власти, осуществленных реформаторами от имени императора Мэйдзи 1868 г., стало законодательное закрепление принципа «единства ритуала и управления» (сайсэй итти). Это было не только политическим актом, но и возвращением к древнейшему сакральному принципу единства светской и духовной власти, царских и жреческих функций – основе любого традиционного общества.⁴¹

В 1889 г. император эпохи Мейдзи Муцухито даровал своим подданным октроированную конституцию, составленную по прусскому – наиболее консервативному из существующих на тот момент образцу. Открывают Конституцию характерные исключительно японскому национальному менталитету сентенции: «потомственная императорская династия пребудет у власти до скончания веков» (статья 1), «императорская особа священна и неприкосновенна» (статья 3).⁴² Кроме того, согласно Конституции 1899г. император признавался главой империи, верховным главнокомандующим японской армией и флотом.

Отождествлять преобразования, происходившие в Японии в эпоху Мейдзи, с явлением буржуазной революции, имевшей место в Западных государствах в XVII — XIX вв., можно только с большой оговоркой. Стране никогда не были свойственны социальные потрясения, разрушение старых структур, реконструкция социально-политических отношений.

Национальные реформаторы в своих действиях руководствовались

⁴⁰ Сигэки Т. Мейдз исин. – М.: Иностранная литература, 1959. – С. 218.

⁴¹ Молодяков В.Э. Консервативная революция Мэйдзи исин и модернизация Японии: опыт модернизации // Японии: опыт модернизации. – М.: АИРО-XXI, 2011. – С. 78.

⁴² Дайниппонтейкокукенпо (Конституция Японской Империи) // Nihonkenpo-no-tanjou (Рождение Конституции Японии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ndl.go.jp/constitution/etc/j02.html>

принципом преемственности и обновлением традиции новыми элементами. Для характеристики реформ Мейдзи в научном дискурсе нередко прибегают к оксюмору «консервативная революция», поскольку революционным путем восстановила целый ряд традиционных, исконных норм и институтов, включая императорское правление вместо системы сёгуната, «единство ритуала и управления», господство национальной религии Синто.

Традиционализм японской национальной психологии смог успешно противостоять воздействию западной культуры, тогда как имманентные японскому архетипу адаптивность и прагматизм обеспечили Японии первой среди государств Азии доступ в клуб капиталистических «цивилизационных стран».

2.2. Японский милитаристический национализм в период Интербеллум

Главным результатом преобразований эпохи Мейдзи стало оформление идеи единой японской нации. Националистическая идея как политическая доктрина держалась в Японии на трех «столпах»: во-первых, на уникальности японской нации, во-вторых, на преобладании интересов нации над индивидуальными, и, в-третьих, на том, что японская нация должна быть независимой настолько, насколько это возможно в данный исторический момент.⁴³ В краткие сроки овладев материальными благами западной науки, централизовав страну вокруг божественного статуса императорской фигуры, утвердив институты государственности и воспитав в населении национальное самосознание, не так давно ущемленная прогрессивным Западом Япония вновь смогла ощутить себя самодостаточным цивилизованным государством, способным и обязанным «цивилизовать» другие, в особенности азиатские, страны.

⁴³ Крупянюк М.И., Аршеидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Международные отношения, 2012. – С. 36.

Соответственно, с трансформацией японского государства трансформировалось и функциональное назначение националистической идеологии: если раньше национализм действовал в интересах рискующей потерять свою идентичность угнетенной нации, то в конце XIX–начале XX вв. национальные лозунги применялись нацией угнетающей с целью обоснования экспансионистских амбиций. Призывы к «изгнанию варваров» постепенно сменялись заявлениями о необходимости расширения жизненного пространства.

В конце XIX в. страна наряду с такими государствами как США, Германия, Франция, Англия, встала на путь колониализма. Первым значительным доказательством превосходства японского оружия стала война с Китаем в 1894-1895 гг. Победа над Китаем – страной многотысячелетней культуры, колыбели многих азиатских цивилизаций, континентальная культура которой во многом повлияла на культуру Японии, укрепила охваченное националистической эйфорией население во мнении, что именно Япония является преемницей великого китайского наследия.⁴⁴ Не меньшее потрясение в мире вызвали итоги русско-японской войны 1904-1905 гг. Она создала прецедент первой победы дальневосточного государства над западными силами. Удачные военные компании (в том числе аннексия Кореи в 1910 г.) и отмена неравноправных Ансэйских договоров в 1894 г. восстановило национальную гордость японцев, вселило в них веру в собственную исключительность.⁴⁵

Участие Японии, которую дружба с англичанами привела на сторону союзников, в Первой мировой войне позволила ей захватить все германские владения в провинции Шаньдун и северные острова Тихого океана, войти в

⁴⁴ Мещеряков А.Н. Визуализация императора Мейдзи и формирование японской нации // Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – 552 С.

⁴⁵ Крупянко М.И., Аршеидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Международные отношения, 2012. – С. 7.

состав «Большой пятерки».⁴⁶ Однако она была отстранена от решения многих вопросов послевоенного устройства, а ее предложения игнорировались союзниками по коалиции: попытки ввести в устав Лиги Наций пункт о провозглашении расового равенства встретили сопротивление, «21 требование» к Китаю так и не было удовлетворено, а зона японского влияния была ограничена исключительно Манчжурией.⁴⁷ Кроме того, на Японию были наложены серьезные ограничения на строительство морских военных судов, и был существенно сокращен тоннаж японского военного флота по отношению к США и Великобритании в пропорциях 5:5:3. С целью не допустить укрепления Японии на материке европейские державы и США начали постепенно вытеснять Японию с мировых рынков, устанавливая высокие таможенные барьеры.⁴⁸ Все эти покровительственные жесты со стороны западных держав, в представлении японцев, свидетельствовали об их отказе видеть в Японии равноправного союзника.

Вторая волна японского национализма приобрела значительно более агрессивный характер. Щепетильное отношение к сохранению лица, сформированное вековой приверженностью к «культуре стыда», усилило милитаристические настроения среди населения, желавшего призвать мировое сообщество к ответу за унижение национального достоинства. Союзнические отношения со странами Запада сменились отрицанием их сколько-нибудь положительного вклада в развитие азиатских стран, однозначной трактовкой их действий как насильственного вмешательства, от которого следует защищаться.

На этой почве популярность приобрели идеи паназиатизма. Япония провозгласила себя символом спасения Азии, способным разрушить диктат Запада и открыть для той путь к совершенствованию мировой культуры.

⁴⁶ Теймс Р. Япония : история страны/ пер. с англ. Е. Васильевой.- М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2009.- С.212.

⁴⁷ Елисеєфф В., Елисеєфф Д. Японская цивилизация/ Пер. с франц И. Эльфонд. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 107с.

⁴⁸ Такуиро Х. Япония в войне 1941-1945 гг. – М., Воениздат, 1973. – С. 8.

Окакура Какудзо, один из идеологов сохранения основ традиционной японской культуры, в работе «Пробуждение Японии» так отразил настроения японского общества того времени: «В Европе кричат о желтой опасности в то время как душа Азии стонет от мук военного нашествия. Какое же право имеют иностранцы навязывать нам торговлю, которую мы не желаем, дружбу, о которой мы не просили».⁴⁹

Японские исследователи отмечают, что существовало два теоретических подхода к объяснению превосходства Японии. Один из них состоял в представлении японцев этнически однородной нацией, а другой в том, чтобы подчеркнуть полиэтничность их происхождения. Популярность одного подхода в сравнении с другим менялась в зависимости от политических обстоятельств. В межвоенный период доминировала теория о том, что 大和民族 (ямато миндзоку – древнеяпонская нация) возникла в результате смешения различных народов Азии, поскольку она отвечала целям создания «Великой сферы сопроцветания в Восточной Азии и на Тихом океане» под командованием японского императора.⁵⁰

Некоторые апологеты милитаризма не ограничивались консолидирующей миссией Японии на Востоке. Лозунг 八紘一宇 (хакко-ичиу – досл: восемь углов под одной крышей), заимствованный из древней императорской хроники, призывал к объединению всех народов, всех «восьми углов» света под «крышей» японской империи как к единственно верному средству прекращения военных конфликтов и установления мира во всем мире.⁵¹

⁴⁹ Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1993. – С. 94.

⁵⁰ Eika Tai Rethinking Culture, National Culture, and Japanese Culture // Japanese Language and Literature, Vol. 37, No. 1, 2003. – 10 p.

⁵¹ Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина // ВикиЧтение [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://document.wikireading.ru/18917>

国体 (кокутай – досл: тело нации) – главная идеологическая опора японского милитаристического национализма в межвоенный период. Кокутай утверждал единство императора, народа и населенной им «божественной земли» в качестве единого организма или единой семьи высшего порядка, но с узами крепче и священнее любых семейных уз. Его главные положения были отражены в Кокутай-но-хонги («Сущность тела нации»), составленного Министерством просвещения Японии в 1937 г. Концепция, в которой император и его подданные сосуществуют в гармоничной синергии единого государственного тела, была выработана с целью воспитать устойчивую эмоциональную связь между правителем и населением.⁵² В сущности, императорская чета позиционировалась старшими членами патриархальной семьи-государства: Хирохито –отцом всех японцев, а императрица Кодзюн – их матерью. Таким образом, японцам внушалась, что выживание страны, ее процветание связано исключительно с сохранением института императорской власти, патронажем божественного потомка над подданными во всех сферах жизни.

Идеологи принципа кокутай отказывали «органическим теориям» европейских государств в праве на ту самую «органичность», отрицая их духовность и видя в них лишь механизмы в руках государственного аппарата.⁵³ Искренность при почитании императора, чувство единства нации в сердечном исполнении его воли позиционировалась прерогативой японской нации. Японская исключительность, продвигаемая кокутай, основывалась на тезисе о том, что ее императорская династия непрерывна, что Япония единственная страна в мире, которая унаследовала «божественное» управление страной. Видный политический деятель начала XX в. Хиранума Киитиро сформулировал этот тезис следующим образом: «Японское

⁵² Кокутай-но-хонги (Истинное значение теории государственного тела) // Wikisource [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://ja.wikisource.org/wiki/国体の本義>

⁵³ Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология, история, имидж // Litmir [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=611682>

государственное устройство не имеет аналогов в мире... В других странах династии основывались людьми. Именно людьми поставлены у власти короли, императоры и президенты в других странах, и лишь в Японии престол унаследован от божественных предков».⁵⁴

До самого вторжения в Китай в 1837 г. японцы с подчеркнутым пренебрежением относились к политической пропаганде. В их понимании, «война мыслей» была не свойственна проживающей на «божественной земле» нации, несовместима с истинным духом японского самурайства. Тем не менее, именно в этот период политические структуры взяли курс на подчинение национальной идеологии интересам государства. В 1924 г. была основана самая влиятельная националистическая ассоциация в период Интербеллум 国本社 (кокухонся – досл: Общество государственных основ).⁵⁵ Ее участникам осуществлялось продвижение принципов кокутай, лояльности императору и воинской доблести. В 1932 г. в структуре Министерства образования было создано «бюро по контролю над мыслями»,⁵⁶ курировавшее вопросы информационной работы, цензуры и пропаганды. Вскоре подобные информационные службы создали армия и ВМФ.

Двумя другими реликтами милитаристического прошлого Японии считаются «Императорский рескрипт солдатам и матросам» 1882 г. и военный устав Сэндзинкун (戰陣訓 – досл: наставление на поле боя), обязательные для прочтения во всех военных частях. Оба текста опираются на этический и поведенческий кодекс религиозных и идеологических систем актуальных для их современников, воспевают конфуцианские идеи сыновьей покорности, почтительности к старшим по званию, синтоистские догматы признания императора как неотъемлемого компонента японской государственности, внушаемую буддийскими учениями готовность

⁵⁴ Молодяков В.Э. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи // М.: АИРО – XXI. 2008. – С. 46.

⁵⁵ Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М.: Эксмо, 2008. – С. 246.

⁵⁶ Там же С. 244.

безбоязненно расстаться с жизнью. Самый известный фрагмент «Рескрипта», «долг тяжелее гор, смерть – легче лебяжьего пуха» 義は山嶽よりも重く死は鴻毛よりも軽し (яп. ги ва сангаку ёри мо омоку, си ва комо ёри мо каруси), задавал общие рамки восприятия государственного и военного долга в качестве высшей ценности, превосходящей по значимости человеческую жизнь подданного.⁵⁷ Наиболее же цитируемый фрагмент «Наставлений» углублял и конкретизировал эту мысль, уточняя рамки допустимых и неприемлемых действий на поле боя: «Живя – не допусти позора стать пленником, умирая – не оставляй после себя имя, запятнанное виной» 生きて虜囚の辱を受けず、死して罪禍の汚名を残すこと勿れ (яп. икитэ рёсю но хадзукасимэ о укэдзу, сиситэ дзайка но омэй о нокоосу кото накарэ).⁵⁸

Из вышесказанного следует, что с обретением экономической и политической независимости, с созданием регулярной армии и присоединением к клубу капиталистических государств Япония сменила внешнеполитический курс. Комплекс неполноценности нации, оставшийся еще с периода Мейдзи, желание добиться мирового признания наравне с передовыми государствами Запада, стремление к расширению сфер влияния требовали качественной модификации национального сознания. Усилиями руководства страны и отдельных приверженцев политики экспансионизма реакционный национализм приобрел черты агрессивного мессианства и шовинизма в отношении западных народов. Союзники по антигерманскому блоку всего за два десятка лет стали в глазах представителей Запада «Пруссией Востока».

2.3. Японский национализм после Второй мировой войны

⁵⁷ Гундзинчокую (Императорский рескрипт солдатам и матросам) // The world and Japan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/pw/18820104.01J.html>

⁵⁸ Сэндзинкун (Наставление на поле боя) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hc6.seikyoku.ne.jp/home/okisennoikioku-bunkan/okinawasendetakan/senjinkun.html>

Поражение во Второй мировой войне обернулось для Японии не только политическим поражением, но и, прежде всего, идеологическим крахом. Крушение идей национального превосходства, несокрушимости «духа Ямато» и праведности цивилизационной миссии закономерно повлекли за собой кризис национальной самоидентификации. В один момент были сокрушены или, по крайней мере, подорваны практически все каноны японского национального самосознания: божественное происхождение императорского дома, сакрализация его власти, вера в национальную исключительность японского народа и его «государственного организма», в непобедимость и непогрешимость японской армии. Последовавшие за оккупацией японской территории союзными войсками отмена цензуры, амнистия политических заключенных, трибунал над представителями высшего эшелона военного и гражданского руководства – все это дало стимул японскому обществу переосмыслить место страны в системе международных отношений, реалистично оценить ее технологические возможности и поставить под сомнение некоторые политические мифы.

С подписанием акта о полной и безоговорочной капитуляции Япония вновь была вынуждена испытать горечь национального унижения и лишения национального суверенитета. Всему населению страны был бессрочно навязан «комплекс вины» за развязывание войны в Тихом океане и отдельные военные преступления (станции «женщин для утешения», Нанкинская резня, отряд 731), совершенные в ходе нее. Оккупационной администрацией союзных государств был также введен строгий запрет на пропаганду националистической идеологии. В рамках послевоенной реформы образования из школьных программ были изъяты положения, пропагандирующие чувство национальной исключительности японской нации, подданнического долга по отношению к императорской семье и т.д.⁵⁹ Не пренебрегали союзные войска и запретом государственной символики:

⁵⁹ Политическая система современной Японии: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — С. 230.

японский флаг 日の丸 (хи-но-мару) и императорский гимн 君が代 кимигаё (досл.: Царствование императора) были признаны ими атрибутикой милитаристической эпохи. Японцы смогли вновь добиться их признания в качестве государственных символов лишь в 1999г.⁶⁰

Фактически, в послевоенный период «быть японцем» воспринималось как нечто постыдное, не говоря уже о практике национальных традиций. Подобные обвинительные тезисы популяризировали и сами японцы как, например, Кисида Кунио автор книги «Теория ненормальности японцев», в которой «нормальными» признавались лишь представители европейской расы, иностранный корреспондент Цукаса Синтрао в своем труде «Взгляд на вещи», где проводит четкое различие между образом мысли европейцев и японцев, естественно, не в пользу последних.⁶¹⁺

Публичному осуждению подвергались не только основы японского государственного национализма – над двадцати восемью занимавшими руководящие посты в государственном аппарате, армии и флоте ультраправыми националистами был проведен Токийский военный трибунал. Им как военным преступникам были инкриминированы преступления против мира и человечества.⁶² Со стороны СССР даже была предпринята попытка привлечь к международному военному суду императора Хирохито в качестве главного инициатора Тихоокеанской компании.⁶³ Однако, зная о ключевой роли императора в системе японских национальных взглядов, западные эксперты убедили Макартура, главнокомандующего оккупационными союзными войсками, что убийство императора приведет к массовому

⁶⁰ Сосковец Л.И. Политическая система Японии: учебное пособие / Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. – С. 73.

⁶¹ Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология, история, имидж // Litmir [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=611682>

⁶² Такусио Х. Япония в войне 1941-1945 гг. – М., Воениздат, 1973. – С. 55.

⁶³ Лестев А.Е., Курамшина Е.А. Донесение Б. Ф. Феллера Д.Макартуру как основа принципиальной позиции США относительно судьбы императора Японии Хирохито после окончания Второй мировой войны // Уральское востоковедение. 2020. №10. С. 66.

неповиновению, делает мирное реформирование Японии невозможным, поэтому США выступили за сохранение института императорской власти.

Оккупационная администрация ставила перед собой цель демонтажа всех характерных для Японии черт авторитарной политической системы. Штабом генерала Макартура была подготовлена новая Конституция Японии, которая формально представляла собой серию поправок в Конституцию Мэйдзи 1889 г., которые бы гарантировали полную демилитаризацию и деидеологизацию Японии.

Сняв с императора обвинения в военном преступлении, администрация, тем не менее, разжаловала его из статуса «божественного предка» до «символа государства и единства народа», лишённого всех полномочий, кроме тех, что несли исключительной церемониальный характер. Четвертой статьёй новой Конституции Японии был введен запрет на вмешательства императора в государственные дела.⁶⁴ Его положение отныне определялось волей народа, носителя суверенитета и единственного источника власти согласно преамбуле Конституции 1947 г., через всенародно избираемый парламент.⁶⁵ Основопологающей в этом отношении стала 41-я статья Конституции, определившая парламент как «высший орган государственной власти» и «единственный законодательный орган государства». Вместе с тем императорская власть была также демифологизирована ликвидацией института «государственного синто». Под давлением оккупационной администрации в своем распоряжении 1946 г. император Хирохито официально объявил об отказе от мифа о божественном происхождении правящей династии и о признании своей человеческой сущности.⁶⁶

⁶⁴ Кузьминков В.В. Тревожное будущее императорской династии в Японии // Актуальные проблемы современной Японии, вып. 31.– М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 60.

⁶⁵ Нихонкокукенпо (Конституция Японии) // Нихонкокукенпо-но-танджоу (Рождение Конституции Японии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ndl.go.jp/constitution/etc/j01.html>

⁶⁶ Кожевников В.В. Синто и национализм в Японии // Россия и АТР, 2014. – С. 171.

Таким образом, оккупационная власть навсегда ликвидировала японский абсолютистский режим, десакрализировав императорскую генеалогию, распустив армию и карательные организации – главную опору режима, передав всю полноту политической и законодательной власти парламенту. Курс на демократизацию Японии также определили создание политических партий, профсоюзов и демократических общественных организаций.

Наиболее важной коррективой, внесенной оккупационными властями в текст Мейдзи, является статья 9, отражающая положения о запрете иметь военный потенциал и обращаться к силе для решения международных споров:

«Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооружённой силы как средства разрешения международных споров».

(Статья 9, п. 1);

«Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право на ведение государством войны не признаётся». (Статья 9, п.2.)⁶⁷

Гарантом защиты целостности японского государства при ее конституционном пацифизме стали США. «Ядерный зонт» США и их политическая протекция избавила японскую экономику от необходимости военного строительства. Премьер-министр Японии Сигэру Ёсида (1941–1954 гг.) призывал использовать сложившиеся внешнеполитические обстоятельства для решения задач ускоренного восстановления национальной экономики, а впоследствии и экономической экспансии.

⁶⁷ Нихонкокукенпо (Конституция Японии) // Нихонкокукенпо-но-танджоу (Рождение Конституции Японии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ndl.go.jp/constitution/etc/j01.html>

«Доктрина Ёсиды» предполагала сознательный отказ от наращивания военного потенциала с целью сделать упор на внешнеэкономическую стратегию, обеспечивая свой международный авторитет путем создания образа мирной и демократической страны.⁶⁸ Признание, хоть и временного, политического главенства США, несмотря на защиту и некоторые экономические преимущества, впоследствии превратило Японию в пункты базирования вооруженных сил союзницы.

Несмотря на то, что Япония в 1945 г. подписала акт о своей безоговорочной капитуляции перед всеми представителями Союзных держав, США, тем не менее, присвоили себе единоличное право распоряжения послевоенным устройством страны, искоренения милитаризма, осуществления демократической «модернизацию сверху». Япония стала для США основным политическим союзником на Дальнем Востоке, одним из первых «полигонов» для опытов по внедрению универсальных демократических идей в систему ценностей восточного государства. Предполагалось, что Япония станет эталонным западным государством, оплотом капитализма на Востоке, восточным форпостом, призванным обеспечить сдерживание распространения коммунистического влияния в странах Азии.

Однако после кардинального изменения стратегической обстановки на Дальнем Востоке после провозглашения создания Китайской Народной Республики, а также в связи с началом 1950 г. войны в Корее, США избирают Японию в качестве полноценного военно-политического союзника в Азии. Данный союз подкреплялся двусторонним договором о «взаимном сотрудничестве и безопасности» 1960г., действующим и в настоящее время. Договор предполагал предоставление Японией США «право использования их сухопутными, военно-воздушными и военно-морскими силами средств

⁶⁸ Политическая система современной Японии: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — С. 236.

обслуживания и территорий в Японии» (ст. 6).⁶⁹ Парадоксальная ситуация, при которой Япония оказалась в роли «авианосца», на котором базируются иностранные силы, не подконтрольные ее юрисдикции, является самым дискуссионной проблемой в правительственных кругах страны.

Таким образом, первые десятилетия после поражения во Второй мировой войне японская национальная идея была парализована оккупационным режимом держав-победительниц, а ее значение как одного из ведущих акторов на международной арене было сведено к минимуму. Комплекс капитулировавшей нации, экономический упадок, политическое давление со стороны Союзных государств вынудили Японию долгие годы «пребывать в тени» США на правах ее сателлита. Не добавлял поводов для национальной гордости и ассиметричный характер японо-американских отношений. Союзнические обязательства Японии в ответ на обеспечение США ее безопасности требовали от нее безоговорочного следования курсу Вашингтона и поддержку его политики в Тихоокеанском регионе. Философия патернализма диктовала стране стратегию подчинения и мимикрии, непротивлению перестройке своих национальных институтов, замене традиционных японских ценностей демократическим универсумом. Положительной же стороной подобного существования стал тот факт, что благодаря помощи США Япония сумела не только быстро восстановить экономику, но и представить миру феномен «экономического чуда», который впоследствии позволит стране вновь завоевать роль лидера в регионе, на этот раз с помощью экономических рычагов.

⁶⁹ Сенаторов А. «Япония: от «одинокого пацифизма» к «обычной стране?» // Uchebana5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uchebana5.ru/cont/1397037-p12.html>

ГЛАВА 3. ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

3.1. Возрождение идеологии государственного национализма на современном этапе

Отсутствие вышеупомянутых политической самостоятельности и поводов для национальной гордости сполна компенсировались достижениями Японии в экономической области. Не расходуя средства на содержание военной машины, Япония смогла быстро восстановить разрушенную долгой чередой агрессивных войн экономику, а неучастие в

международной гонке вооружений стало одним из немаловажных факторов, позволивших ей занять место второй промышленной державы в мире и продемонстрировать всему миру феномен «японского экономического чуда». В 80-е годы по технологическим показателям страна начала превосходить даже своего «старшего брата» – США. Средства массовой информации регулярно использовали заявление конгрессменов относительно «вторжения «японских самураев на американский рынок».⁷⁰ Ориентация исключительно на экономические цели и пассивный характер участия на международной арене отразились на характеристике Японии как «экономического травоядного», «политического карлика с большим кошельком».

Вместе с экономическим возрождением ренессанс переживала и японская идеология. Удачная экономическая экспансия и заинтересованность международной общественности феноменом «японского экономического чуда» и «японским феноменом» в целом стимулировали правящие круги стран к поиску эффективных методов интернационализации японского национализма, экспорту традиционных японских ценностей, сопутствующих активному наступлению японского капитала на позиции западных компаний.

По мере наращивания экономической мощи государства взгляды политиков на «национальную безопасность» начали меняться. Реализация японской «мягкой силы» производилась за счет распространения культуры, популяризации достижений в научных и технических сферах деятельности, а также с помощью языка. Поскольку японский язык не является одним из шести официальных языков ООН, в 1890-е гг. японцы не раз предпринимали попытку придания японскому языку статуса международного языка ООН. По мнению известного японского лингвиста Т. Судзуки, «утверждение японского языка в качестве международного – один из путей превращения

⁷⁰ Арин О.А. Япония: традиции и внешняя политика // Проблемы Дальнего Востока. №1, 1990. – С. 90.

страны в великую державу».⁷¹ Для создания положительного имиджа страна применялись также теории, объясняющие секрет японского экономического успеха через призму самобытности японской психологии, японской культурной и социальной специфики.

Наиболее популярными теориями в этом отношении стали нихондзинрон 日本人論 (яп.: теория о японцах) и нихонбункарон 日本文化論 (яп.: теория о японской культуре). Вновь, как и в случае с теорией кокутай, основной пафос новой концепции сводился к доказательству неповторимости японской цивилизации во всех ее составляющих компонентах, однако в этот раз упор делался не на личности императора, а на «генетическом детерминизме», подразумевавшем, что все японская уникальность не может быть в полной мере понята неяпонцами.⁷² Это был эквивалент прежней национальной идеи в несколько ином качестве, а точнее лишенный агрессивно-мобилизующего потенциала предшественницы. Идеологи нихондзинрон предложили соотечественникам идентифицировать себя с «рисовой цивилизацией», которая не лучше и не хуже прочих, но принципиально отличается от других, а потому уникальна. В рамках нихондзинрон появились связанные друг с другом теории «крови японцев» (нихондзинно ти) и «мозга японцев» (нихондзин-но ноо).

Научная статья одного из апологетов нихондзинрон «Мозг японцев» представляет собой описание экспериментального исследования, в рамках которого было якобы выявлено, что у японской нация в буквальном смысле мыслит иначе:

«Если у других народов жестко разделены функции левого, логического и правого, интуитивного полушарий мозга при доминировании правого, то у японцев всё иначе. До знакомства с европейской культурой для

⁷¹ Кулинич А.А. «Мягкая сила» и национализм современной Японии: китайский вектор // Ойкумена. № 1, 2017. – С. 32.

⁷² Eika Tai Rethinking Culture, National Culture, and Japanese Culture // Language and Literature, Vol. 37, No. 1, 2003. – P. 13.

японцев не было различий мыслей и чувств, им даже сейчас нет необходимости четко формулировать идеи, что приводит, с западной точки зрения, к логическим неясностям в японских текстах. Лишь японцам доступны голоса природы, японская музыка, они слиты с природой и не одиноки в ней».⁷³

Активную националистскую позицию демонстрировали и политики того времени. Наиболее популярным актом «неповиновения» мнению международной общественности, продолжающей позиционировать Японию в качестве государства-агрессора, стало посещения храма Ясукуни, где захоронены военные и государственные деятели времен Второй мировой войны, признанные Токийским военным трибуналом военными преступниками. Учитывая «особенности» храма Ясукуни, визиты в него премьер-министра С. Абэ и его предшественника Д. неоднократно вызывали протесты со стороны ближайших соседей Японии – Китая и Южной Кореи.⁷⁴

С начала 80х гг. общественную «трибуну» получили сторонники более радикальных, неонационалистских течений. Теоретиком данного направления выдвигается лозунг: «Япония – стань государством!» Неонационалистическое течение опирается в своей риторике на прусскую доктрину «Macht-politik», в соответствии с которой «общество» только тогда превращается в государство, когда оно обладает «разрушительной физической силой». Особые пиетет японские националисты испытывают к вопросу о ядерном оружии, считая, что пока Япония не сделает «ядерный выбор», она не сможет претендовать на международное признание, статус

⁷³ Таданобу Цунода Нихондзин-но-киноо-но-юникуса (Уникальность работы мозга японцев) // Технологические вопросы, Токио, 1975. – С. 486–491.

⁷⁴ Дзюнъитиро Коидзуми: один из наиболее харизматичных премьер-министров Японии // fushigi Nippon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1380>

лидера региона, а, лишенная атрибутов сильного государства, будет продолжать быть «объектом игры ядерных держав».⁷⁵

Конституционный пацифизм, как национальная идеология, и американский «ядерный зонтик» сделали Японию уязвимой к внешним угрозам. На правительственном уровне нередко высказывается беспокойство по поводу неуклонного роста экономической и военной мощи Китая, ядерной программы КНДР. Японцы стали четче ощущать затрагивающую их личные интересы опасность растущего в разных частях мира терроризма (захват посольства Японии в Перу, случаи похищения японцев за рубежом).

В этих условиях широкое распространение получила идея «ответственного пацифизма», выдвинутая Сайсабуро Сато. «Ответственный пацифизм», с позиции автора, означал – «сделать все, чтобы исключить вооруженную силу как средство разрешения международных конфликтов», в том числе «применение вооруженной силы для пресечения акций, угрожающих миру».

В Японии вопрос о пересмотре послевоенной конституции в целом или по крайней мере ее основных статей стал подниматься практически сразу после обретения страной в 1952 г. полной самостоятельности и независимости. Сторонники пересмотра конституции в качестве главного выдвигают аргумент о том, что конституция была «привнесена извне», «навязана иностранцами». Рассуждающие с позиции национализма политические деятели Японии подчеркивают, что утверждение Конституции 1947 г. включающую 9 статью о запрете иметь регулярную армию и обращаться к военным методам для решения международных конфликтов, было во многом совершено под недвусмысленным давлением со стороны оккупационной администрации Союзных государств, лишив страну права на полноценную защиту своего суверенитета. В японском политическом

⁷⁵ Алиев Р.Ш. Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (Теория и практика). – М.: Издательство "Наука", 1986. – С. 156.

дискурсе часто можно встретить фразу «Пацифизм без выбора», резюмирующую причины подъема ревизионистских настроений среди населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой национализм, как теория и политическая практика, как идеология и образ мышления представляет собой уникальную систему ценностей, свойственную данной нации и отличающую ее от других. Японский национализм есть в первую очередь особый продукт кропотливой работы государства по формированию национального сознания, воспитанию

и консолидации японской нации при помощи совмещения привычных японцам морально-этических и идеологических паттернов с актуальными на текущий момент государственными интересами.

Выражением общей тенденции японской теории национализма, ее доминантой является акцент на культурно-историческом своеобразии и этнопсихологических особенностях японской нации, уникальности природно-географических условий векового проживания в изоляции от внешнего мира на Японском архипелаге. Мнимые или действительные, эти установки получают гипертрофированную трактовку и статус вневременного и внеисторического атрибута японской этнической общности.

В исторической динамике японский национализм прошел этапы от интровертного и внутренне направленного до реакционного, и обусловленного необходимостью сохранения культурной идентичности от европейского влияния; от агрессивного шовинизма, до пассивного единодушия с политикой стран-победительниц как «платы за поражение». Из этого следует, что японский национализм, вопреки своему традиционализму и романтизации уклада прошлого, подвижен и отличается высокой адаптивной способностью.

В настоящее время в политике Японии прослеживается тенденция усиления националистической компоненты. Страна болезненно воспринимает невозможность иметь собственную регулярную армию, отстаивать международные интересы силой оружия. Плеяда японских политиков XXI в. не оставляет попыток пересмотра 9 «миролюбивой» статьи японской Конституции. Провозглашенный принцип «активного пацифизма» на основании принципов международного сотрудничества напрямую связан с постепенными изменениями внешней политики страны, появлению обходных путей в ограничивающем ее маневренность оборонном законодательстве. Шестидесят третий премьер-министр Японии Синдзо Абэ сделал многое для возвращения стране ее политического веса. В частности,

при нем было закреплено право на "коллективную самооборону", снят запрет на применение оружия в ходе миротворческих операций за рубежом, расширены полномочия сил самообороны. В настоящий момент именно на освобождение от «пут» послевоенного режима направлен весь консолидирующий потенциал японской национальной идеологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Алиев Р.Ш. Внешняя политика Японии в 70-х – начале 80-х годов (Теория и практика). – М.: Издательство "Наука", 1986. – 314 с.
2. Арин О.А. Япония: традиции и внешняя политика // Проблемы Дальнего Востока. №1, 1990. – С. 82–91.

3. Ашинова Ж.Е. Политическое сознание японцев как механизм реализации политической модернизации в Японии. – Режим доступа: <https://pps.kaznu.kz/en/Main/FileShow2/14776/96/446/1366/Ашинова%20Жанар%20Ерболатовна/2020/1>
4. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры» – 3-е изд. –СПб: Наука, 2016. – 360с.
5. Государство и порядок по-японски / РСМД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gosudarstvo-i-poryadok-po-yaponski>
6. Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры: кон. XVI нач. XX вв. - М.: Наука, 1986. - 285 с.
7. Данн, Ч. Традиционная Япония. Был, религия, культура / Ч. Данн. –М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 222 с.
8. Дзюньитиро Коидзуми: один из наиболее харизматичных премьер-министров Японии // fushigi Nippon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://leit.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=1380>
9. Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация/ Пер. с франц И. Эльфонд. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 582 с.
10. Кожевников В.В. Синто и национализм в Японии // Россия и АТР, 2014. – С. 166–180.
11. Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Япония: идеология государственного национализма // История и современность. №2, 2010. – С. 185- 211.
12. Кузьминков В.В. Тревожное будущее императорской династии в Японии // Актуальные проблемы современной Японии, вып. 31.– М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 50-68.
13. Кулинич А.А. «Мягкая сила» и национализм современной Японии: китайский вектор // Ойкумена. № 1, 2017. – С. 30-41.
14. Лестев А.Е., Курамшина Е.А. Донесение Б. Ф. Феллерса Д.Макартуру как основа принципиальной позиции США относительно судьбы

- императора Японии Хирохито после окончания Второй мировой войны
// Уральское востоковедение. 2020. №10. С. 66-72
15. Крупянко М.И., Аршеидзе Л.Г. Японский национализм (идеология и политика). – М.: Международные отношения, 2012. – 408с.
 16. Мещеряков А. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. – М: Издательские дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 424 с.
 17. Мещеряков А.Н. Визуализация императора Мейдзи и формирование японской нации // Национализм в мировой истории. – М.: Наука, 2007. – С. 529-557.
 18. Мещеряков А.Н. Япония: географические условия и историко-культурный процесс. – Режим доступа:
<http://trubnikovann.narod.ru/Mesh1.htm>
 19. Мисима Ю. Хагакурэ Ньюмон // OCR Library [Электронный ресурс]
Режим доступа: https://shounen.ru/books/hagakure_nyumon.shtml
 20. Молодяков В.Э. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи // М.: АИРО –XXI. 2008. – С. 41–58.
 21. Молодяков В.Э. Консервативная революция Мэйдзи исин и модернизация Япония: опыт модернизации // Япония: опыт модернизации. – М.: АИРО-XXI, 2011. – С. 70-85.
 22. Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология, история, имидж // Litmir [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.litmir.me/br/?b=611682>
 23. Молодякова В.Э., Макарьян С.Б. О японском типе модернизации // Япония: опыт модернизации. – М.: АИРО-XXI, 2011. – С. 51-70.
 24. Политическая система современной Японии: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 384 с.
 25. Попов К.М. Япония. Очерки развития национальной культуры и географической мысли. М.: Мысль, 1964. - 640 с.

26. Прасол А.Ф. О некоторых особенностях русского и японского этнокультурного архетипа // Ежегодник Японии. 2007. – С.148-170.
27. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. Этнопсихологические очерки // Litmir [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.litmir.me/br/?b=106691&p=1>
28. Размышления о японском национальном характере // Wunderwaffe [Электронный ресурс]. –Режим доступа:
<http://wunderwaffe.narod.ru/HistoryBook/Kamikaze/02.htm>
29. Религия в истории Японии / Пер. с англ. Н. М. Селиверстова. — СПб.: Наука, 2005. — 588 с.
30. Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М.: Эксмо, 2008. – 312 с.
31. Садокова, А. Р. Культура Японии : учебное пособие / А. Р. Садокова, И. В. Корнеева. – Южн.-Сах.: СахГУ, 2019. – 148 с.
32. Селищев А.С. Японская экспансия: люди и идеи. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1993. – 256 с.
33. Сигэки Т. Мейдз исин. – М.: Иностранная литература, 1959. – 364 с.
34. Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 206 с.
35. Скворцова Е.Л. Эпоха Мейдзи: годы просвещения // Япония: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые 150-ой годовщине революции. –СПб.: Art-xpress, 2018. - 849 с.
36. Сосковец Л.И. Политическая система Японии: учебное пособие / Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. – 165 с.
37. Сосновская Е.А. Специфика морального сознания японцев // Этическая мысль. вып. 9, 2009. – С. 146-164.

38. Стрельцов Д.В. Система доминантной партии в Японии: некоторые уроки исторического опыта // Японские исследования. №3. 2016. – С. 70-85.
39. Стрельцов Д.В. Япония в эпоху великих трансформации – М.: АИРО-XXI, 2020 – 320 с.
40. Судзуки Д. Основы Дзэн-Буддизма / Пер. с англ. В.А.Шериева. – Бишкек: МП "Одиссей", 1993. –672 с.
41. Такусиро Х. Япония в войне 1941-1945 гг. – М., Воениздат, 1973. – 631 с.
42. Теймс Р. Япония : история страны/ пер. с англ. Е. Васильевой.- М.: Эксмо; СП б.: Мидгард, 2009.- 416 с.
43. Тойнби А. Дж. Постигание истории // Либру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/HISTORY/TOYNBEE/history.txt>
44. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва: АСТ, 2017. – 640 с.
45. Чугров С.В. Япония: гибридизация и гармонизация / С.В. Чугров // Полис. - 2008. - № 3. – С. 59-67.
46. Эйбус Х.Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. – М.: Госполитиздат, 1955. – 336 с.
47. Язовская О. В. Становление японской философской мысли : учеб.-метод. пособие. – Ек.: УрФУ, 2017. – 163 с.
48. Японский феномен. М. — РИО Института Востоковедения РАН. 1996. – 180 с.
49. Eika Tai Rethinking Culture, National Culture, and Japanese Culture // Japanese Language and Literature, Vol. 37, No. 1, 2003. – pp. 1-26.
50. Fujisawa Chikao. Zen and Shinto. The Story of Japanese Philosophy. N.Y. 1959. – 108 p.
51. March, R. Reading the Japanese Mind: The Realities Behind Their Thoughts and Actions / R. March. –Kodansha International, 1996. – 209 p.

52. Гундзинчокою (Императорский рескрипт солдатам и матросам) // The world and Japan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/pw/18820104.O1J.html>
53. Дайниппонтейкокукенпо (Конституция Японской Империи) // Nihonkenpo-no-tanjo 日本憲法の誕生 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ndl.go.jp/constitution/etc/j02.html>
54. Джишин токей гурафу. Сайкин ичи-нэн-но-джишин кайсу (График статистики землетрясений. Количество землетрясений за последний год) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://s.n-kishou.co.jp/w/charge/eqa/tgraph.html?#month>
55. Кимура Мотои Кинсей-но-мура (Деревня Нового времени). – Токио : Newton Press, 1980. – 254 с.
56. Кинкью джитай джоко йа «кайкен 4 кокумоку» джитсуген о шущё га месседжи (Послание премьер-министра о реализации пункта о чрезвычайном положении и "4 пункта о внесении изменений в конституцию") // Асахи Шинбун Digital [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.asahi.com/articles/ASP535S6SP53UTFK009.html?iref=pc_relink_01
57. Кокутай-но-хонги (Иситинное значение теории государственного тела) // Wikisource [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ja.wikisource.org/wiki/国体の本義>
58. Нихонкокукенпо (Конституция Японии) // Нихонкокукенпо-но-танджоу (Рождение Конституции Японии) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ndl.go.jp/constitution/etc/j01.html>
59. Сигеки Тояма Мейдзиисин то гендай (Реставрация Мейдзи и современность). – Токио: Iwanami shoten, 1993. – 230 с.

60. Сэндзинкун (Наставление на поле боя) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hc6.seikyou.ne.jp/home/okisennoikioku-bunkan/okinawasendetakan/senjinkun.html>
61. Таданобу Цунода Нихондзин-но-киноо-но-юникуса (Уникальность работы мозга японцев) // Технологические вопросы, Токио, 1975. – С. 486–491.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 Т.Ю. Сидорова

подпись инициалы, фамилия

«Т.Ю.» Т.Ю. 2021 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения
профиль подготовки 41.03.05.01 Международные отношения и внешняя
политика

Эволюция японского национализма в XX - начале XXI вв.

Руководитель

24.05.21. Лапо
подпись, дата

доцент, к.и.н

должность, ученая степень

П.В. Лапо

инициалы, фамилия

Выпускник

24.05.21. А.В.
подпись, дата

А.В. Балясникова

инициалы, фамилия

Красноярск 2021